

какой ценой собрал сребролюбец свое богатство: «... иному имене исхити, а ин другому землю отняв, ин же на ближняго в сердца злая мыслит, а инии предела для земнаго бьются и тяжутся ... имея много, помышляет на отняtie, величается и гордится, упивается и которается со многими, лжами возносится, истинны не любят».¹⁹

«Слово» подробно описывает преступные дела сребролюбца, «лжей и клеветой» отнимающего для себя имущество «должных», которые «печалию увядают». «Слово о лихоимании и пьянстве» также подчеркивает, что лихоимец, любой ценой отнимающий у неимущего, «глух и не слышит вопля нищих скупостию».²⁰ Экклезиаст и Сирах названы в «Цветах сельних» источниками изречения на ту же тему: «Не насыщено есть око сребролюбивых, яко же море, многие реки приемля, не наполнится. и не имеет сыти, день от дни собирает» (стр. 111—112). Сирах предупреждает, что такой богатый не живет спокойно: «Мнози бо хвалятся мужи богатства ради, а живучи в богатстве — боятися нищеты» (там же, стр. 112). «Словеса избранные», выборки из Пчелы (XVII в.), кратко повторяют образное сравнение жадного с морем: «Яко же не наполнится море, многих рек приемая, тако и очи человеческия» (Пчела Роз., стр. 125). И потому Менандр решительно утверждает: «Велико зло есть в человеце несытство» (стр. 19) и иронически замечает: «Вси хошем богатети, да не можем» (стр. 6); «Луче по суху нищу ходити, нежели по воде богатети» (стр. 9). Осуждает скупость и изречение Варнавы: «Скупаго дом аки ноць облачна, крьючи солнечный свет от очию многых» (стр. 13). Итак, богатство не всем на пользу, и Пчела напоминает изречение Клитарха: «Имения многа детем безумным не пользуют» (стр. 133).

Пословицы также ценят не всякое богатство, и к жадности, скупости во всех их проявлениях относятся с явным осуждением, по-своему выражая мысль афоризмов Демокрита и Златоуста: «Не тем богат, что есть, а тем богат, чем рад» (Даль, стр. 107).

Поскольку христианская этика учила, что богатство дается человеку богом для того, чтобы он делился им с бедными (ср. в пословице: «Богатым злато — нищих ради» — Симони, стр. 78), а в жизни отношения между богатыми и бедными были далеки от этого принципа, афоризмы, как и поучения, часто обращаются к этой теме. «Вопль нищих» («Слово о лихоимании и пьянстве» в Измарагде) редко слышали богатые, и потому Сирах с горечью наставлял: «С креплеишим себе и с богатеишим не приобштыя ся. Кое бо приобштение гърнюцю с котльомь — ть бо приразиться и съкрушиться» (стр. 401—402). В близкой, но более общей форме под именем Сираха Пчела повторяет это изречение: «Крепльшему себе не прикасайся: кое бо причашение горнюцю к котлу — сам же прикоснеться, сам же скрушиться» (стр. 40). Поздний сборник «Цветы сельнии» распространил афоризм Сираха, удержав сравнение: «Кое складение горнюцю с котлом: ударятя и поразятя. Тако и убогому з богатым кое вожение, лише срамочение и посмех. Богатый о беде разгневаеця и хочет иженути убогаго» (стр. 114).

Пословица сохранила лишь образ, допускающий самое широкое толкование: «Горшок чугуну (вар. котлу) не товарищ» (Даль, стр. 773).

Среди многочисленных пословиц о выгодах богатства немало и таких, которые подобно книжным афоризмам, хотя и независимо от них, гово-

¹⁹ Там же, стр. 88—89.

²⁰ В. А. Яковлев. К литературной истории древнерусских сборников. Одесса, 1893, стр. 73.